

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
24 May 2021
Russian
Original: English

Комиссия Организации Объединенных Наций

по праву международной торговли

Пятьдесят четвертая сессия

Вена, 29 июня — 16 июля 2021 года

Пересмотренный проект юридической таксономии — пересмотренный раздел по искусственному интеллекту и автоматизации

Содержание

	<i>Стр.</i>
I. Введение	2
II. Основные изменения к документу A/CN.9/1012/Add.1	2
A. Что такое искусственный интеллект?	2
B. Участники	3
C. Правовые режимы	3

I. Введение

1. Как отмечается в документе A/CN.9/1064 (пп. 4–9), Комиссии на ее пятьдесят третьей сессии был представлен предварительный проект правовой таксономии, который включал раздел об искусственном интеллекте (ИИ) и автоматизации, содержащийся в документе [A/CN.9/1012/Add.1](#). Секретариат пересматривает этот предварительный проект, чтобы отразить дальнейшие исследования и последние изменения, а также результаты консультаций с экспертами.
2. В настоящем документе затрагиваются некоторые из основных областей раздела об ИИ и автоматизации, подлежащие пересмотру. Секретариат ожидает, что проект будет дополнительно пересмотрен и доработан, с тем чтобы ориентироваться на него «при определении направлений дальнейшей работы», как это было предложено на пятьдесят третьей сессии¹, и чтобы он сохранял свою актуальность в динамичных и быстро меняющихся условиях.
3. Комиссии предлагается принять к сведению работу, проделанную в области юридической таксономии, и разрешить ее возможную публикацию в качестве документа секретариата, который можно будет постоянно обновлять в качестве «живого документа» в сотрудничестве и координации с соответствующими международными организациями.

II. Основные изменения к документу [A/CN.9/1012/Add.1](#)

A. Что такое искусственный интеллект?

4. В эту главу вносятся изменения, чтобы охватить материалы, разработанные Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Европейским союзом. Хотя эти материалы посвящены этическим стандартам использования ИИ и управления им, они содержат определения «систем ИИ», которые имеют отношение к рассмотрению ИИ в контексте торговли. В этой главе будет упомянуто следующее:

а) в проекте рекомендации по этике искусственного интеллекта, разработанном специальной группой экспертов, учрежденной Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) («проект рекомендации ЮНЕСКО»), системы ИИ описываются как «технологические системы» или «технологии обработки информации, воплощающие в себе модели и алгоритмы», которые «обладают способностью обрабатывать информацию способом, напоминающим разумное поведение и обычно включающим аспекты рассуждений, обучения, восприятия, прогнозирования, планирования или контроля»². В проекте рекомендации однозначно избегаются любые попытки дать единое определение ИИ. В нем признается, что «системы ИИ предназначены для работы с определенной степенью автономии посредством моделирования и представления знаний, а также использования данных и вычисления корреляций»;

б) в Европейском союзе в 2020 году Европейский парламент принял две резолюции, в которых Европейской комиссией предлагается сформулировать правила, касающиеся (i) этических стандартов использования ИИ и управления им и (ii) режима гражданской ответственности в отношении ИИ³. С этой целью в этих резолюциях «система ИИ» определяется как система, основанная на

¹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят пятая сессия, Дополнение № 17 (A/75/17)*, часть вторая, п. 75.

² SHS/IGM-AIETHICS/2021/APR/4, para. 2.

³ European Parliament Resolution of 20 October 2020 with Recommendations to the Commission on a Framework of Ethical Aspects of Artificial Intelligence, Robotics and Related Technologies (2020/2012(INL)); European Parliament, Resolution of 20 October 2020 with Recommendations to the Commission on a Civil Liability Regime for Artificial Intelligence (2020/2014(INL)).

программном обеспечении, или система, встроенная в аппаратные средства, которая «отображает поведение, моделирующее интеллект», путем «сбора и обработки данных, анализа и интерпретации их среды, а также осуществления действий с определенной степенью автономии для достижения конкретных целей». Впоследствии Европейская комиссия издала предлагаемое постановление, касающееся этических стандартов использования ИИ и управления им, в котором «система ИИ» определяется по аналогии с определением, содержащимся в Рекомендации ОЭСР — «программное обеспечение [которое] может для данного набора целей, определенных человеком, генерировать такие результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальную или виртуальную среду». В отличие от Рекомендации ОЭСР (см. [A/CN.9/1012/Add.1](#), п. 3) и резолюций Европейского парламента, определение в предлагаемом регламенте ограничивается системами ИИ, которые разработаны с использованием конкретных технологий и методов, в частности, «подходов к машинному обучению», «подходов, основанных на логике и знаниях» и «статистических подходов»⁴.

В. Участники

5. В эту главу вносятся изменения, чтобы охватить дополнительные материалы по «жизненному циклу ИИ», которые имеют отношение к пониманию участников, занимающихся использованием ИИ и автоматизированных систем. В этой главе будет упомянуто следующее:

а) в проекте Рекомендации ЮНЕСКО участники ИИ определяются как любые субъекты, участвующие по крайней мере на одном из этапов жизненного цикла системы ИИ, который охватывает исследования, проектирование и разработку до развертывания и использования, включая техническое обслуживание, эксплуатацию, торговлю, финансирование, мониторинг и оценку, валидацию, завершение использования, разборку и прекращение существования;

б) четыре широкие категории участников системы ИИ (перечисленные в п. 7 документа [A/CN.9/1012/Add.1](#)) могут применяться в отношении автоматизированных систем в целом, хотя для систем ИИ характер и объем функций, выполняемых различными участниками, действительно отличаются (например, характерной особенностью систем ИИ с использованием методов машинного обучения является обучение моделей).

С. Правовые режимы

6. В эту главу вносятся изменения, чтобы охватить материалы, посвященные другим правовым вопросам, связанным с использованием систем ИИ, включая вопросы, возникающие на ранних этапах жизненного цикла ИИ. Это позволит также более четко разграничить международные инициативы по разработке этических стандартов использования ИИ, в том числе стандартов, которые упоминаются в *Дорожной карте по цифровому сотрудничеству* Генерального секретаря⁵. С этой целью:

а) введение будет пересмотрено, чтобы рассмотреть те категории правовых вопросов, которые возникают на ранних этапах жизненного цикла ИИ, особенно при разработке систем ИИ, и будет включать дополнительное обсуждение «раздела по ИИ» Руководства по договорам на использование ИИ и данных, изданного Министерством экономики, торговли и промышленности Японии⁶;

⁴ См. European Commission, Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonized Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts, document COM(2021) 206 final (21 April 2021).

⁵ [A/74/821](#), пп. 53–57

⁶ [A/CN.9/1012/Add.1](#), сноска 19.

b) при рассмотрении норм договорного права в разделе «ИИ в торговле» будет признано, что анализ вопросов, которые рассматриваются в п. 11 документа [A/CN.9/1012/Add.1](#), усложняется тем, что в соглашениях о разработке и использовании понятие «параметры производительности» (поскольку этот термин используется в *Комментариях по основным вопросам, связанным с договорами об облачных вычислениях*) определяется в абстрактных терминах;

c) при рассмотрении норм договорного права в разделе «ИИ в торговле» будет признано также, что предложения о разработке законодательства с целью установления дополнительных обязательств для оператора системы ИИ в отношении соблюдения будущего свода этических стандартов использования ИИ также могут привести к определенному нарушению баланса, о котором говорится в пункте 13 документа [A/CN.9/1012/Add.1](#), даже если эти предложения и стандарты непосредственно не относятся к торговому контексту;

d) при рассмотрении норм деликтного права в разделе «ИИ в торговле» будет уделено особое внимание проблемам доказывания, упомянутым в документе [A/CN.9/1012/Add.1](#). Проблемы доказывания в отношении причинения ущерба в результате использования системы ИИ могут возникать в контексте существующего деликтного права, особенно в тех случаях, когда предположительно неправомерное поведение приписывается лицу, вводящему в действие систему ИИ. Так, например, может быть трудно установить, что выходные данные системы ИИ являются результатом ошибки в том, как система была запрограммирована, а не ошибочных входных данных из внешнего источника или вмешательства в систему какой-либо третьей стороны;

e) при рассмотрении норм деликтного права в разделе «ИИ в торговле» будет затронут также вопрос о том, следует ли одинаково рассматривать все системы ИИ для целей предлагаемых новых режимов ответственности (см. [A/CN.9/1012/Add.1](#), пп. 16–20), или же следует применять эти новые режимы ответственности только к некоторым видам систем ИИ. Возникает также вопрос о том, каким образом дифференцировать систему ИИ для того, чтобы это способствовало правовой определенности и предсказуемости. Будет сделана ссылка на: (i) группу экспертов ЕС по вопросам ответственности и новых технологий, которая установила, что строгий режим ответственности может подходить для систем ИИ, которые причиняют «существенный ущерб», в тех случаях, когда степень ущерба определяется путем ссылки на потенциальную частоту и серьезность ущерба; и (ii) резолюцию Европейского парламента о режиме гражданской ответственности в отношении ИИ, в которой также содержится призыв к установлению строгого режима ответственности для систем ИИ с «высоким риском», который определяется как «существенная возможность [...] вызвать причинение вреда или ущерба одному или нескольким лицам таким образом, что это невозможно предсказать и выходит за рамки того, что можно разумно ожидать»⁷.

7. Рассмотрение правовых вопросов, связанных с «ИИ в торговле», а также обсуждением условий и заключением договоров будут проводиться по следующим аспектам:

- a) юридическая сила электронных и автоматизированных договоров;
- b) идентификация сторон договора;
- c) определение намерения сторон быть связанными договором (и другие вопросы, касающиеся намерений сторон);
- d) определение условий договора.

⁷ См. сноску 3 выше. Примечательно, что в своем последующем предложении по этическим стандартам использования ИИ и управлению им (сноска 4 выше) Европейская комиссия определяет «высокий риск» не ссылкой на вероятность или серьезность вреда или ущерба, а ссылкой на цель или цели, для которых развернута система ИИ, или на задачи, которые она выполняет.

8. Что касается *юридической силы*, то с учетом того, что выходные данные автоматизированных систем принимают форму сообщений данных и что стороны, возможно, будут стремиться полагаться на такие выходные данные для заключения договора, законодательство об электронных сделках во многих юрисдикционных системах, включая те из них, в которых принят Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (ТЗЭТ), признает договоры, заключенные путем обмена сообщениями данных (т. е. электронные договоры). Более того, в ряде юрисдикционных систем, включая те из них, которые включили в свое законодательство основные положения Конвенции Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (КЭС)⁸, признаются договоры, заключенные в результате взаимодействия автоматизированных систем (или «электронных агентов») без участия человека (например, автоматизированные договоры или алгоритмические договоры)⁹. В ряде юрисдикционных систем суды признали, что могут быть развернуты интернет-боты для сбора данных с веб-сайта в нарушение условий использования веб-сайта, и это означает, что бот может быть использован для заключения договора с владельцем веб-сайта на этих условиях¹⁰.

9. Что касается *идентификации сторон*, то могут возникать правовые вопросы, если применимое законодательство требует, чтобы сторона была идентифицирована или известна в момент заключения договора. Любое такое требование может стать препятствием для использования смарт-контрактов, развернутых в системе распределенных блоков данных, которая допускает участие пользователей, использующих псевдонимы.

10. Более общий правовой вопрос касается атрибуции выходных данных автоматизированных систем, которая, в свою очередь, позволяет определить сторону договора, заключенного на основе таких выходных данных. Хотя звучали призывы предоставить системам искусственного интеллекта статус юридического лица, в юрисдикционных системах, признающих автоматизированные договоры, автоматизированные системы, как правило, рассматриваются в качестве простых инструментов, не обладающих независимой волей или правосубъектностью. Поэтому выходные данные приписываются определенному лицу (юридическому или физическому), хотя, как представляется, не во многих юрисдикционных системах законодательно устанавливается, какому именно лицу. В некоторых юрисдикционных системах законодательство, прецедентное право или комментарии содержат указания на лицо, которое запрограммировало или эксплуатирует систему или от имени которого система запрограммирована или эксплуатируется¹¹.

11. Что касается *определения намерения сторон быть связанными договором*, то юридическое признание автоматизированного заключения договоров не отменяет требования о намерении, которое является общим принципом в отношении заключения договоров и тесно связано с вопросом атрибуции. Возникает вопрос, как стороны выражают свое намерение, если для заключения договора

⁸ Австралия, Сингапур и Шри-Ланка.

⁹ В некоторых юрисдикционных системах общего права суды подтвердили юридическую силу договоров, заключенных с использованием автоматизированных систем. В отношении Англии см. High Court of Justice of England and Wales, *Software Solutions Partners Ltd v. Her Majesty's Commissioners for Customs and Excise*, Case No. CO/2220/2005, Judgment, 2 May 2007, [2007] EWHC 971 (Admin); в отношении Сингапура см. *Quoine Pte. Ltd. v. B2B2 Ltd.*, Civil Appeal No. 81 of 2019, Judgment, 24 February 2020, *Singapore Law Reports*, vol. 2020, No. 2, p. 20, [2020] SGCA(1) 02, para. 96. В Соединенных Штатах почти все штаты приняли Единообразный закон об электронных сделках (UETA), который прямо предусматривает, что лицо может быть связано договором, заключенным с использованием «электронного агента».

¹⁰ United States, Court of Appeals for the Second Circuit, *Register.com, Inc. v. Verio, Inc.*, Docket No. 00-9596, Judgment, 23 January 2004, *Federal Reporter, Third Series*, vol. 356, p. 393; European Union, Court of Justice, *Ryanair Ltd. v. PR Aviation B.V.*, Case No. C-30/14, Judgment, 15 January 2015.

¹¹ A/CN.9/1012/Add.1, сноска 32.

используются автоматизированные системы. Этот вопрос стоит особенно остро для сторон, эксплуатирующих автоматизированную систему, поскольку они часто не осведомлены об обстоятельствах заключения договора или даже о том, что договор был заключен. В юрисдикционных системах, которые признают автоматизированные договоры, намерение стороны, эксплуатирующей автоматизированную систему, обычно будет определяться путем ссылки на намерение этой стороны или на намерение лица, программирующего систему, в момент ее развертывания¹².

12. Аналогичный подход был использован судами Сингапура в деле *B2C2 Ltd. v. Quoine Pte. Ltd.* (“*Quoine*”), в рамках которого рассматривались также другие вопросы, связанные с намерениями сторон в связи с заключением автоматизированного договора, а именно определение того, знала ли одна сторона, эксплуатирующая автоматизированную систему, об ошибке, допущенной другой стороной. В первой инстанции Международный коммерческий суд Сингапура отметил следующее:

«[Алгоритмические программы, используемые для заключения торговых договоров], по сути являются простыми машинами, выполняющими действия, которые в другую эпоху мог бы выполнять человек с соответствующей подготовкой. Они ничем не отличаются от робота, собирающего автомобиль на заводе вместо рабочего, или кухонного блендера, освобождающего повара от ручного смешивания ингредиентов. Все это машины, работающие так, как они были запрограммированы для работы после активации.

В тех случаях, когда важно определить, какие намерения или знания лежали в основе режима работы конкретной машины, логично учитывать знания или намерения оператора или контролера машины. В случае с кухонным блендером это будет человек, который положил ингредиенты и заставил его работать. Его или ее знание или намерение будет существовать одновременно с работой машины. Однако в случае с роботами или торговым программным обеспечением на компьютерах это будет не так. Знание или намерение не может принадлежать тому, кто его включает; это должны быть знания того, кто несет ответственность за то, чтобы заставить его работать так, как он это делает, иными словами — программиста. Это неизбежно было сделано в момент, предшествующий дате, когда компьютер или робот выполнил соответствующие действия»¹³.

13. При рассмотрении апелляции Апелляционный суд Сингапура согласился с этим анализом¹⁴ и высказал следующие общие замечания по этому вопросу:

«Алгоритмическая торговля является областью, которая быстро меняется, и, возможно, в надлежащее время потребовалось бы разработать соответствующее законодательство, если бы считалось, что необходима более фундаментальная перестройка применяемой правовой базы. Это, конечно, не наша точка зрения в настоящее время, и мы считаем, что существующий свод законов может быть надлежащим образом адаптирован для урегулирования данной ситуации»¹⁵.

14. В отдельном решении Мансе II не согласился с таким подходом, отметив, что было нецелесообразно адаптировать соответствующий существующий свод законов (т. е. доктрину односторонней ошибки в общем праве) путем определения вместо фактических намерений сторон с учетом обстоятельств, связанных с заключением договора (о котором они не знали), фактического намерения программиста в момент программирования системы. Тем не менее судья применил

¹² Этот подход отражен в комментарии 3 к статье 2.1.1 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА (2016 год).

¹³ A/CN.9/1012/Add.1, сноска 33.

¹⁴ Там же, сноска 34.

¹⁵ Там же, сноска 35.

«более гибкую» справедливую доктрину ошибки, вменив сторонам то намерение, которое у них было бы, если бы они знали об обстоятельствах, связанных с заключением договора.

15. Дело *Quoine* свидетельствует о том, что действующие нормы договорного права, требующие определения намерений в связи с заключением договора, могут быть недостаточно адаптированы для использования в отношении автоматизированных систем. Оно указывает также на то, что адаптация таких норм должна осуществляться на индивидуальной основе с учетом необходимости обеспечения правовой определенности и предсказуемости, а также содействия развитию торговли.

16. Что касается *определения условий договора*, то один из правовых вопросов, который был поднят в контексте «юридически обязательных» смарт-контрактов (см. п. 24 документа [A/CN.9/1012/Add.1](#)), касается действительности и толкования договора, который закрепляется — полностью или частично — в коде (т. е. в коде программы, развернутой в системе распределенных блоков данных) для облегчения исполнения договора в автоматизированном режиме. Поскольку код является формой сообщения данных, действительность договоров, закрепленных в коде, обычно регулируется законами, признающими электронные договоры (см. п. 8 выше). Тем не менее, хотя толкование договора может не вызывать проблем в некоторых юрисдикционных системах, в которых суды имеют опыт толкования кода в контексте споров, связанных с программным обеспечением, может возникать вопрос о том, является ли договор достаточно определенным и полным, чтобы быть действительным или подлежащим исполнению. Вопрос определенности и полноты может возникать также, когда действие «юридически обязательного» смарт-контракта зависит от «динамической информации», которая поступает из внешнего источника данных и которая может периодически или непрерывно меняться, например, от рыночной цены.

17. Если системы ИИ представляют собой автоматизированные системы нового поколения, то возникает вопрос о том, оправдывают ли особенности, отличающие системы ИИ от автоматизированных систем (см. п. 5 документа [A/CN.9/1012/Add.1](#)), дифференцированный режим использования ИИ при заключении договоров. Один из судей Верховного суда Соединенного Королевства, выступая с лекцией, поставил под сомнение способность английского договорного права решать проблемы, затронутые в предшествующем анализе, в случае систем ИИ, использующих методы машинного обучения, которые «автономно генерируют сделки»:

«Для того, чтобы существовал договор, составленный или адаптированный с помощью машин, необходимо обеспечить значительное развитие нашего договорного права, что потребует тщательного и творческого подхода. [...] Такие вопросы, как намерение вступить в правовые отношения, кому это намерение следует приписать, как должны быть записаны условия договора, сгенерированного компьютером, для достижения юридической силы и как они должны толковаться, потребуют инновационного мышления»¹⁶.

18. На аналогичную проблему в деле *Quoine* указал Апелляционный суд Сингапура, который неоднократно подчеркивал, что автоматизированная система, о которой шла речь в этом деле, была запрограммирована для работы «детерминированным» образом в том смысле, что она всегда генерировала одни и те же выходные данные при одних и тех же вводных данных. Суд не указал, изменился бы его юридический анализ норм договорного права — в частности, доктрины односторонней ошибки в общем праве — применительно к автоматизированным договорам, если бы система была запрограммирована не для работы

¹⁶ Lord Hodge, *The Potential and Perils of Financial Technology: Can the Law Adapt to Cope?*, Edinburgh FinTech Law Lecture delivered at the University of Edinburgh, 14 March 2019, available at www.supremecourt.uk/docs/speech-190314.pdf, pp. 12–13.

«детерминированным» образом, а для того, «чтобы выработать свои собственные реакции на меняющиеся условия», однако комментаторы предположили, что такие системы потребуют другого подхода¹⁷.

¹⁷ Vincent Ooi and Kian Peng Soh, “Rethinking mistake in the age of algorithms: Quoine Pte Ltd v B2C2 Ltd”, *King’s Law Journal*, vol. 31, No. 3 (2020), p. 367. Лорд Сейлз из Верховного суда Соединенного Королевства отметил в своей лекции, что «в будущем программы могут стать настолько сложными и действовать настолько независимо, что может быть такой процесс ретроактивного анализа намерений тех, кто их создал, покажется совершенно нереальным»: [A/CN.9/1012/Add.1](#), сноска 36.